

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Резиньков П.М., соискатель Южного федерального университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ НА СТАДИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Вслед за экономикой право закрепляет сложившиеся социально-экономические отношения с помощью определенных юридических конструкций. Как мы уже установили, что юридическая фикция, впервые появившаяся в Древнем Риме как юридическая конструкция позволяющая обособить имущество в отношениях с другими лицами, и только потом обрела правовое регулирование.

В настоящее время значительно возросла распространенность (стало быть, и роль) юридических фикций. Это связано с реформацией правового регулирования, появлением в нем принципиально новых областей не только научно-теоретического знания, но и практики применения. В частности, сформировались отрасли права, в содержании которых часто встречаются юридические фикции¹. Юридические фикции стали применяться в некоторых отраслях права, для которых содержание данных правовых явлений раньше было нетипично, например, появились в финансовом законодательстве – сфере, которая прежде практически не использовала их как специальный прием правового регулирования². Как представляется, юридические фикции должны рассматриваться не в статике (как это происходит во многих имеющихся научно-теоретических исследованиях), а в динамике в контексте процесса правового регулирования, так как данные правовые явления направлены на упорядочение общественных отношений и закреплены в правовых нормах.

Использование юридических фикций объясняется тем, что законодательство, будучи консервативной системой взаимосвязанных правовых понятий и юридических категорий, не всегда успевает за потребностями жизнедеятельности человека и общества в целом, за вновь возникающими правовыми явлениями. Поэтому для правового регулирования вновь возникающих экономических и правовых явлений используются устоявшиеся юридические формы. Другая причина использования юридических фикций – следование принципу экономичности в законотворческой деятельности. Намного проще придать условный правовой режим тому объекту, для которого это несвойственно, чем создавать усложненные юридические конструкции, при помощи которых правовое регулирование будет иметь громоздкий характер. При использовании юридической фикции удастся преодолеть ограничения и запреты, установленные самим законодателем³.

При этом Э.М. Мурадян рассматривает юридическую фикцию как «юридический прием, заключающийся в том, что несуществующее явление или качество подводится под формулу, им не отвечающую либо устанавливающую положение, таким образом, как если бы оно реально существовало»⁴.

Действительно, если подробно исследовать юридическую фикцию как юридико-технический прием, можно отметить следующее. Юридическая фикция – это способ правового

¹ См.: Танимов О.В. Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

² Карасева М.В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 71–80.

³ См.: Усманов И.П. Бездокументарная ценная бумага – фикция ли это? // Общество и право, 2009, № 2.

⁴ Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2004. С. 220.

регулирования, при котором законодатель придает объекту правового регулирования те свойства, которыми данный объект не обладает. В самом общем виде использование юридических фикций освобождает от необходимости объяснять многие положения права; упрощает процедуру правового регулирования; будучи особым приемом, оптимизирует нормативную систему; исключает избыточность правового регулирования.

В тоже время юридическая фикция со времен римского права как юридино-технический прием прочно вошла в правовую традицию и активно используется законодателем. Известна она и современному российскому праву, применяющему этот правовой инструмент для самых разнообразных потребностей. Используется юридическая фикция в различных отраслях права для того, чтобы оптимизировать правовое регулирование сходных между собой отношений¹.

Легальная юридическая фикция может быть определена как средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо несуществующее императивное нормативное положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и выполняющее роль недостающего юридического факта².

Не лишним будет также напомнить и то обстоятельство, что законодателем сознательно не используется категория «фикция». Правовое регулирование представляет собой принятие общеобязательных и обеспечиваемых принудительной силой государства норм поведения, в которых закрепляется существующий в обществе баланс интересов. Кстати говоря, о создании законодателем заведомо неверной юридической конструкции исследуемого объекта недвусмысленно свидетельствует сам термин «юридическая фикция», закрепленный в позитивном праве. Обоснование же не укладывающихся в общую теорию правовых явлений с точки зрения юридической фикции – это прерогатива ученых-теоретиков, стремящихся найти им объяснение³.

При этом юридическая фикция – это сознательно и умышленно созданное неоспоримое положение, которое не соответствует реальной правовой действительности и императивно содержится в нормах права с целью вызвать или не допустить определенные последствия.

Расхождение во взглядах на юридические фикции в научной литературе, по сути, на наш взгляд происходит из-за того, что они понимаются в отрыве от процесса правового регулирования либо применительно только к какой-либо одной из его стадий. При всем том, что юридические фикции на каждой из стадий правового регулирования возникают в определенном виде, присущем только этой стадии. Для достижения поставленных целей нашего научно-теоретического исследования наиболее приемлемым является вариант, в рамках которого выделяются следующие стадии правового регулирования:

- 1) правотворчество или стадия правовой регламентации;
- 2) общее действие нормы права;
- 3) возникновение субъективных прав и обязанностей;
- 4) реализация субъективных прав и обязанностей;
- 5) применение права (факультативная стадия).⁴

На стадии правотворчества юридические фикции выступают как приемы юридической техники. При таком осмыслении юридические фикции предшествуют правовым нормам и являются одним из способов их создания. Юридическая фикция в данном контексте представляет собой такой прием юридической (правотворческой) техники, с помощью которого существующее принимается за несуществующее и наоборот⁵. При этом важно отметить, что

¹ См.: Усманов И.П. Бездокументарная ценная бумага – фикция ли это? // Общество и право, 2009, № 2.

² Курсова О.А. Фикции в российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 49.

³ См.: Усманов И.П. Бездокументарная ценная бумага – фикция ли это? // Общество и право, 2009, № 2.

⁴ См.: Ишигилов И.Л. Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования // История государства и права, 2009, № 21.

⁵ Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж: Истоки, 1998. С. 68.

это правовое средство отличается исключительностью, то есть оно применяется только в том случае, когда другие приемы юридической техники неэффективны в достижении поставленной законодательной цели. Например, невозможно было бы урегулировать деятельность людей, имеющих общее обособленное имущество, выступающих в отношениях с другими людьми в качестве единого коллективного субъекта, без юридической конструкции «юридическое лицо». Эта конструкция, на наш взгляд, представляет собой пример юридической фикции.

Как прием юридической (правотворческой) техники юридическая презумпция по своему объему имеет более широкое применение, чем юридическая фикция. Например, А. Грось именно в таком понимании выделяет так называемую презумпцию лживости, критикуя высокие государственные пошлины при удостоверении сделок нотариусом, и делает вывод, что тем самым государство презюмирует ложь граждан, обращающихся к нотариусу¹. Однако, как справедливо отметил М.С. Строгович, «законодатель мог руководствоваться как этим мотивом, так и иным, мог исходить из одного или иного предположения, мог вообще не исходить ни из какого предположения, а руководствоваться лишь политической целесообразностью, рассчитывать на определенный эффект издаваемого закона и др. Но если даже законодатель действительно исходил из определенного предположения о связи фактов, формулируя в законе правовую норму, это относится к законодателю, а не к суду, применяющему эту норму; когда норма уже создана, предположение, послужившее мотивом к ее созданию, если оно и было, не имеет значения ни для суда, ни для тех лиц, которых норма касается и для которых она влечет определенные последствия: для них значение имеет не предположение, послужившее основанием для создания нормы, а сама норма»². Следовательно, такой прием юридической (правотворческой) техники применяется не только для создания норм-презумпций, но и других норм, которые таковыми не являются. Как верно указывает В.А. Ойгензихт, «презумпция только тогда может считаться правовой, когда предположение составляет само содержание правовой нормы, а не является мотивом ее установления»³. То же самое можно сказать и в отношении юридических фикций.

При этом фикция законодательной предрешенности всего санкционирована и относительно русских гражданских законов, хотя они «представляют лишь некоторую сумму отрывочных и скудных постановлений по некоторым категориям вопросов гражданского права, заключают в себе с точки зрения «системы права» несоизмеримо больше пустого места, чем заполненного; а фактически действующее право опирается по большей части на кассационные юридические экспертизы Сената»⁴. Вообще подобная фикция появилась в юриспруденции на почве разработки римского права (весьма богатой и детально развитой «системы») и имеет под собой разумную почву. Она представляет собой продукт бессознательно-удачного социально-психического приспособления к потребности унифицировать правовой шаблон, исключить действие личных взглядов, произвола и усмотрения, заменить все это более полной системой позитивно-обоснованных и фиксированных решений. Эта фикция включает в себе практическую, вполне разумную директиву: «Юристы, старайтесь по возможности при разработке позитивного права избегать привнесения личных взглядов и усмотрения, старайтесь строить свои решения и учения на твердом базисе законов»⁵.

Но этот разумный и серьезный практический постулат (указывающий, к чему следует стремиться) получил в юриспруденции ненаучный и неудачный облик теоретического верования. В результате – явная неправда, вера в то, чего на самом деле совсем нет и быть не

¹ Грось А. Презумпция лживости // Советская юстиция. 1990. № 4. С. 25.

² Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 174.

³ Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 8.

⁴ Петражицкий Л.И. О старой школе и новых течениях в науке права // Право. 1911. № 51. Стлб. 2913.

⁵ См.: Гетьман-Павлова И.В. Проблемы международного частного права в психологической теории Л.И. Петражицкого // Международное публичное и частное право, 2009, № 5.